

«...Блеск и богатства твои, обманчивый Петербург!»

190 ЛЕТ НАЗАД, 10 ДЕКАБРЯ 1821 ГОДА, РОДИЛСЯ НИКОЛАЙ НЕКРАСОВ. МЫ РЕШИЛИ ПРОЙТИСЬ ПО ПЕТЕРБУРГУ И УВИДЕТЬ ЕГО ГЛАЗАМИ ПОЭТА — ОТ ПЫШНЫХ ДВОРЦОВ ВЕЛЬМОЖ ДО ТЕМНЫХ ПОДВАЛОВ БЕДНОТЫ

В июле 1838 года молодой человек, совсем подросток, приезжает в людный, яркий, шумный летний Петербург из родительского имения в Ярославской губернии — поступать «в военные».

Зовут его Николай Алексеевич Некрасов. Ему 16 лет.

В гимназии Николай учился не слишком хорошо — прогуливал занятия да ссорился с гимназическим начальством из-за сатирических стишков. Отец его, поручик, человек не слишком образованный, считает, что пяти классов гимназии вполне достаточно. Он мечтает о военной карьере для сына. Николай должен быть зачислен в дворянский полк.

Не успев начаться, рушится эта карьера. Начинается — совсем другое поприще. Некрасов встречает гимназического товарища Глушицкого, теперь студента. Знакомство со студенчеством возбуждает в юноше такую тягу к учению, что он идет наперекор воле отца — даже под страхом потери всякой материальной поддержки от семьи.

Некрасов отказывается от военной карьеры и готовится к поступлению в Петербургский университет. Экзамен он не выдерживает и поступает на филологический факультет вольнослушателем. Теперь он в Петербурге один, без родных и без всяких средств к существованию, в страшной нужде. Очарование столицы для него быстро улечивается, на передний план выступают совсем другие стороны жизни.

«Темный чулан был моей квартирой»

Яркие вывески, обшарпанные стены домов — что-то подобное мог видеть Некрасов из окон гостиницы у Кузнечного рынка.

«Я был один-одинехонек в огромном городе, наполненном полумиллионом людей, которым решительно не было до меня никакой нужды» — это слова главного героя из неоконченного автобиографического романа «Жизнь и похождения Тихона Тростникова».

Где он живет в это время? По приезду в Петербург Некрасов останавливается сначала в дешевых номерах в Ямской (ныне улица Достоевского), у Кузнечного рынка.

«Так и стал я проживать в какой-то грязной гостинице, шифровал тротуары да денежки спускал».

Денежки, конечно, быстро кончились, пришлось даже из такой гостиницы съезжать. За сравнительно короткий период — с 1838 по 1842 год — Некрасов сменил не менее десяти адресов в Петербурге, один другого хуже. Но эти дома не сохранились или в точности не известны нам. Жил, например, на Охте, у преподавателя Духовной академии Успенского: «Подле столовой за перегородкой темный чулан был моей квартирой».

Некоторое время он обитает в каком-то подвале на Васильевском острове.

«Нанимал я квартиру на Васильевском острове, в нижнем этаже. Денег у меня не было ни копейки... Лежа на полу

на своей шинели (т. к. пришлось продать все скудное имущество), я сделался предметом праздного любопытства уличных зевак, которые с утра до ночи толпились у моих окон. Хозяину дома это пришлось не по нраву, и он приказал закрыть окна ставнями. При свете сильного отарка я решил описать одного помещика с женою... Так как хозяин отказал мне в чернилах, я соскоблил со своих сапогов ваксу, написал очерк и отнес его в ближайшую редакцию. Это спасло меня от голодной смерти».

В этих районах и сейчас попадаются квартиры на первых этажах, похожие на темные чуланы. Сами дома уже другие, и план улиц поменялся — а бедность остается бедностью.

«Ровно три года я чувствовал себя постоянно, каждый день, голодным. Не раз доходило до того, что я отправлялся в один ресторан на Морской, где позволяли читать газеты, хотя бы ничего не спросил себе. Возьмешь, бывало, для вида газету, а сам пододвнешь себе тарелку с хлебом и ешь».

В другой раз Некрасов снял угол в старом деревянном флигеле (не сохранившемся) на Разъезжей улице, у отставного унтер-офицера. Болел, долго не работал и задолжал хозяину. Когда, еще по-

лубольной, он пошел к товарищу, то по возвращении солдат, несмотря на ноябрьскую ночь, не пустил его обратно.

«Некрасов пошел по улицам, ходил, ходил, устал страшно и присел на лавочку одного магазина; на нем была дрянная шинелишка и саржевые панталоны. Горе так проняло его, что он закрыл лицо руками и плакал», — записал рассказ Некрасова журналист Алексей Суворин.

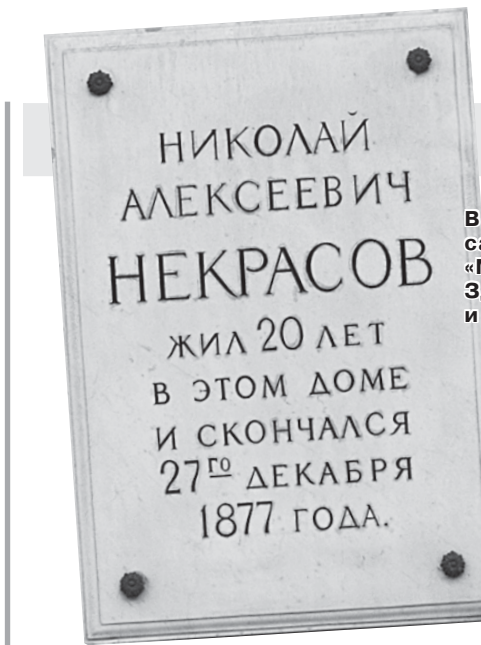
Над Некрасовым сжалился проходивший нищий и отвел его в какую-то трущобу на окраине города. В этом ночлежном приюте будущий классик нашел себе и заработок, написав за 15 копеек прошение для какой-то старухи.

На заявлении о приеме в Университет Некрасов указал новый адрес: «Жительство мое: Рождественской части 6-го квартала у Малоохтенского перевоза, в доме купца Трофимова». Своему романному альтер эго, Тихону Тростникову, он назначил то же место жительства.

Каменный трехэтажный дом купца 3-й гильдии Трофимова находился на Невской набережной (ныне — Синюшечная) под номером 66. До Университета оттуда — километров семь.

Здесь Некрасов обитает около полутора. Каждый день он ходит оттуда в Университет пешком (регулярного сообщения не существовало), голодный, в дырявых сапогах. Как вольнослушатель, Некрасов не имел права на стипендию. Так что почти все время у него уходит на поиски заработка. Не каждый день ему доводится пообедать хотя бы за 15 копеек.

Иногда удавалось достать грошовые уроки или переписку, а когда и их не было, он отправляется на Сенной рынок, где за гроши или кусок хлеба пишет крестьянам письма и прошения. Тут (как и в наши дни) царит атмосфера злчного места. Бывают драки. А вот порки кнутом, кажется, здесь во времена Некрасова уже не устраивали. Так что знаменитое стихотворение «Вечерний день, часу в шестом...» — не документальная зарисовка, а видение поэта. Только что это меняет, если и кнут все еще был в ходу, пускаяй в других местах. И сама Сенная даже сейчас остается котлом, где смешиваются вульгарный шик и какие-то вечные, трагические нищета и запустение.

А дела Некрасова понемногу устроились: он дает уроки, сочиняет статьи для «Литературного прибавления к Русскому Инвалиду» и «Литературной Газеты». Здесь же находились редакции «Современника» и «Отечественных записок».

Начинают появляться сбережения, и Некрасов решает выступить со сборником своих стихотворений, которые выходят в 1840 году под заглавием «Мечты и звуки». Подписано — Н. Н.

Похвалили его Василий Жуковский и Николай Полевой. Виссарион Белинский книжку разобрал. Некрасов постарался скрывать и уничтожить весь тираж. Сейчас «Мечты и звуки» — величайшая библиографическая редкость.

Однако добротанга заметили. Некрасов становится сотрудником библиографического отдела «Отечественных записок». Белинский наконец отдает должное его уму и поэтическому таланту. В альманахах, которые выпускает Некрасов, печатались Иван Тургенев, Александр Герцен, Аполлон Майков, начали свое поприще — Дмитрий Григорович и Федор Достоевский.

В середине октября 1845 года в письме к сестре наш герой указывает новый свой адрес: Владимирская улица, Поварской переулок, дом Тулубьева.

Дом Тулубьева — одна из четырехэтажных скал в узком каменном ущелье Поварского переулка. Сейчас он носит номер 13. Пожалуй, если б не Некрасов, этот типично петербургский желтый

Дом в Поварском переулке стал свидетелем рождения стихотворений «В дороге» и «Огородник». То есть заслужил свое место в истории русской литературы.

Мечты и звуки

В доме на Литейном, 36, Некрасов написал все свои самые известные стихотворения и поэмы — «Мороз, Красный нос», «Кому на Руси жить хорошо». Здесь же находились редакции «Современника» и «Отечественных записок».

дом ничем не привлек нашего внимания.

Да и Николай Алексеевич здесь задержался ненадолго. В письме Белинскому в сентябре 1846 года он сообщает свое новое место жительства: Фонтанка, дом княгини Урусовой (ныне это номер 19 по наб. Фонтанки, на углу с Итальянской улицей). Дом княгини — это уже звучит солиднее. Да так оно и есть: квартира была достаточно большой и удобной, чтобы здесь же помещались еще литератор Панаев с супругой и можно было свободно принимать гостей.

Вместе с Панаевым Некрасов приобретает у Петра Плетнева знаменитый журнал «Современник», основанный еще Пушкиным.

В объявлении о подписке на возрожденный «Современник» говорилось: «Можно адресоваться прямо на имя одного из издателей: г. Некрасову, на Фонтанке, близ Анничкова моста, в доме кн. Урусовой».

В августе 1857 года Некрасов и Панаевы переехали в дом владельца журнала «Отечественные записки» Краевского на углу Литейной и Бассейной улиц (ныне это Литейный проспект, 36).

Это была последняя петербургская квартира Некрасова: здесь он проживет двадцать лет. Живя здесь, он напишет самые значительные свои произведения.

Трехэтажный дом, построенный в конце XVIII — начале XIX века, стоит и по сей

«По парадный подъезд. По торжественным дням, Одержимый холерским недугом. Целый город с каким-то испугом Подъезжает к заветным дверям».

день — как памятник старому Петербургу. Мемориальная доска на фасаде напоминает о Некрасове. В этом же доме жили еще хирург Пирогов, критик Добролюбов и певец Фигнер. Все они были тезками, поэтому этот дом иногда называют «домом четырех Николаев».

Сейчас на доме висят и другие вечные атрибуты: вывеска салона часов, магазина одежды — как мемориальные доски вечным потребностям человека.

Интересно рассказать еще о доме напротив, под номером 37. Построен он был для Министерства государственных имуществ по проекту архитектора Боссе. В 1857 году дом купили «в казну». В огромной квартире поселился один из царских министров — М. Н. Муравьев. За жизнью «владельца роскошных палат» Некрасов наблюдал из окон своей квартиры. Сюда за помощью часто приходили крестьяне с прошениями. Не всегда, правда, эту помощь получали.

Авдотья Панаева вспоминала: «Я вста-

ла рано и, подойдя к окну, заинтересовалась крестьянами, сидевшими на ступеньках парадного подъезда в доме, где жил министр государственных имуществ. Была глубокая осень, утро было холодное и дождливое. По всем вероятностям, крестьяне желали подать какое-нибудь прошение и спозаранку явились к дому. Швейцар, выметая лестницу, прогнал их; они укрылись за выступом подъезда и переминались с ноги на ногу, прижавшись у стены и промокая на дожде. Я пошла к Некрасову и рассказала ему о виденной мною сцене. Он подошел к окну в тот момент, когда дворники дома и городской гнали крестьян прочь, толкая их в спину. Некрасов сжал губы и нервно пощипывал усы; потом быстро отошел от окна и улелся опять на диване. Часа через два он прочел мне стихотворение «У парадного подъезда».

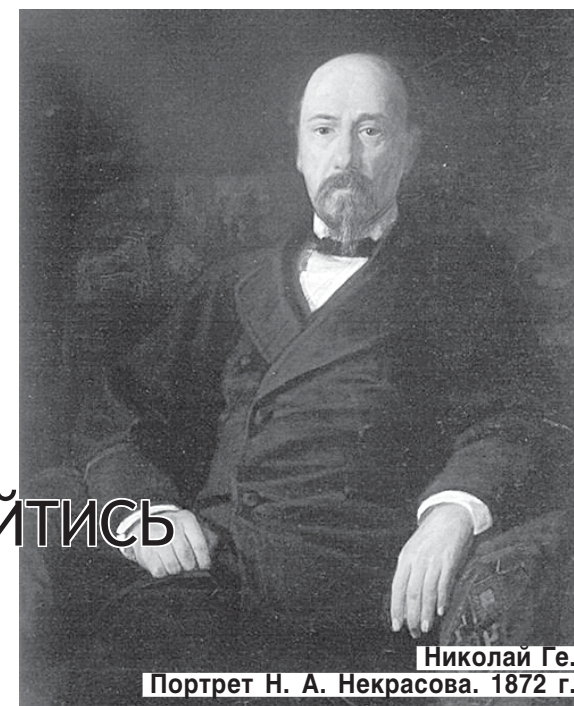
Сейчас в доме № 37 располагается Бюро медико-социальной экспертизы по Ленинградской области и издательство «Прозвещение». История иронична — теперь все здесь на пользу народу...

В последние годы жизни, когда Некрасов уже тяжело заболел, делегация петербургской молодежи пришла к нему на квартиру и прочитала растороганному поэту обращение, которое кончалось словами: «Из уст в уста передавая дорогие нам имена, не забудем мы и твоего имени и вручим его исцеленному и прозревавшему народу, чтобы знал он и того, чьих много добрых семян упало на почву народного счастья. Знай же, что ты не один, что взлелеет и взрастит семена эти всей душой тебя любящая учащаяся молодежь русская».

Наступило и окончилось время «Последних песен».

Я примерился с судьбой неизбежной, Нет ни охоты, ни силы терпеть Невыносимую муку кромешную! Жадно желаю скорей умереть.

Николай Некрасов скончался в своей квартире 8 января 1878 года (27 декабря 1877-го по старому стилю) в 8 часов 50 минут вечера. В 1946 году в последней квартире Некрасова был открыт мемориальный музей.

Николай Ге. Портрет Н. А. Некрасова. 1872 г.

Топор-талант

Критики и энциклопедии велят нам ценить Николая Алексеевича прежде всего за глубокое сочувствие народу.

«С точки зрения изящества стиха, Некрасов не только не может быть поставлен рядом с Пушкиным и Лермонтовым, но уступает даже некоторым второстепенным поэтам. Ни у кого из больших русских поэтов наших нет такого количества откровенно плохих со всех точек зрения стихов», — строго сообщает Брокгауз и Ефрон.

Виссарион Белинский выразился восторженнее: «Что за топор его талант!»

То есть талант, которым можно срубить дерево, обтесать бревно, а при случае — и приложить какого-нибудь обидчика простого народа — по лбу.

Выходит, не важно, как Николай Алексеевич пишет. Главное — практическая приложимость его сочинений.

Этому мнению, конечно, способствует и биография Николая Алексеевича. В отличие от Пушкина и Лермонтова, с которыми Некрасова сравнил в надгробной речи Достоевский, — Некрасов, как мы видели, сам глебул горя. Не опалы властей, а именно обычного житейского горя: голода, нищеты, бесприютности. Некрасов по себе знает, почему фунт лиха для простого человека. А значит, полагают прагматики-просветители, — он специалист по угнетению.

Ту же мысль охотно приняла и школа. В результате Некрасов уж много лет как обескровлен, превращен в какого-то энергетического вампира, паразитирующего на народном страдании.

Тяжелее всего знакомиться с Некрасовым на уроках литературы. Печальный горь народного изображен на странице хрестоматии. Аскетичное, осунувшееся лицо, узкие запавшие глаза, длинная борода... «Проходить» Некрасова — будто идти по какой-то бесконечной, унылой дороге. И голос его представляется однообразным стоном, плущущим монотонным перечислением народных горестей, как тот список деревень из «Кому на Руси жить хорошо»: Горелово, Неелово, Неурожайка тож...

Отлично помню, что из остроосюжетного «Зеленого шума», в котором речь идет вообще-то о любви, ревности и «востром ноже», — у нас на уроках литературы оставили только «сады вишневы» да «белую березоньку». Виды родной природы. Все человеческое — выхолостили.

Дети зевают и клюют носом над учебником.

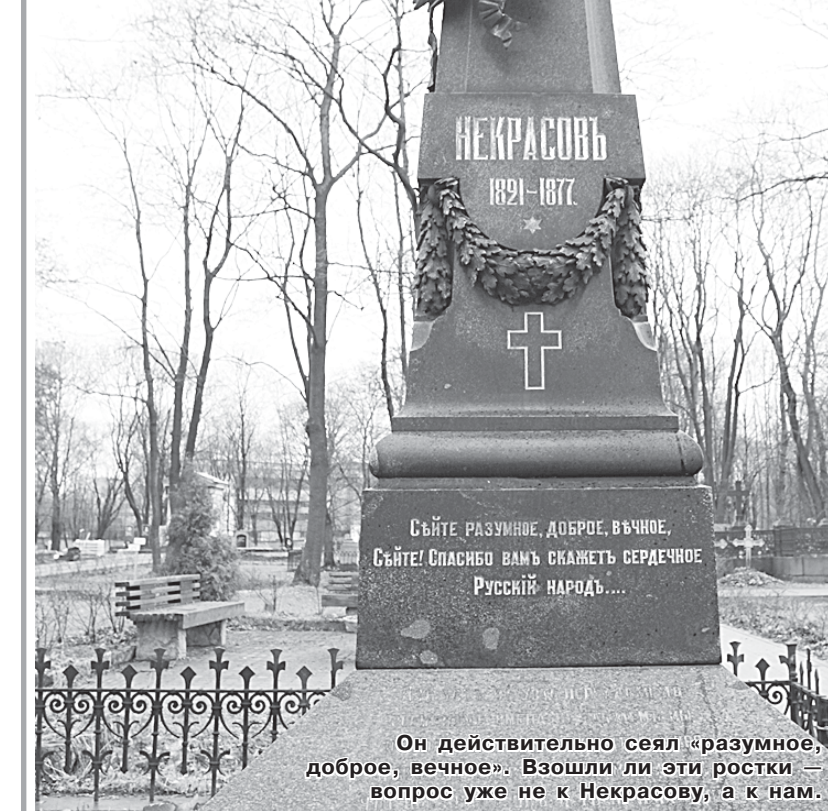
Но потом оказывается, что с колыбели, с детства в память вьелось: «Однажды, в студеную зимнюю пору...» И дальше разматывается: и про лошаду, и про мужичка с ноготок. Это, кажется, все знают, не заучивая нарочно, как-то сами собой.

Или вот пример беспристрастного суждения. В каком-то голливудском фильме есть фраза: «Какой же русский не знает песни «Коробочка?»» Иностранцы совершенно правы. Это уже введено на генетическом уровне.

Так же точно память выдает «Не гулял с кистенем я в дремучем лесу» или «Что ты жадно глядишь на дорогу» — пусть не стихотворения целиком, пусть только первые строфы. Для признания и этого более чем достаточно.

Да сюда же и «Крестьянские дети». А вот из-за острова на стрежень выплывают и зайцы по главе с дедом Мазаем, их заячьим богом и спасителем.

За эти заячье-мазаевские уши, пожалуй, можно вытянуть из-под пыльного груза хрестоматии и самого Николая Алексеевича Некрасова. Живого, настоящего, ироничного, чувствующего поэта.

Он действительно сял «разумное, доброе, вечное». Возшли ли эти ростки, вопрос уже не к Некрасову, а к нам.

Федор ДУБШАН, фото Натальи ЧАЙКИ